

18+ ЭЛВИРА ИВАНОВНА
САПФИРОВА

ПРИШЛА И НАПИСАЛАСЬ

Эльвира Сапфирова Пришла и написалась

<https://litres.ru/74503373>

ISBN 9785007126779

Аннотация

Мелодия спускается с небес. Композитор Рахманинов — это не только Второй концерт и сутулая фигура за роялем, это ещё и человек, который мучительно ищет своё место в музыкальной жизни страны, смеётся до слёз, упав в сугроб, боится повредить палец перед концертом и отправляет сотни посылок голодающей России.

Его племянница Зоя знает его таким.

Это книга не биография композитора. Это жизнь рядом с гением.

Содержание

ПРИШЛА И НАПИСАЛАСЬ	5
Божественная судьба Сергея Рахманинова	6
Часть 1 НОВАТОР ИЛИ ЭКЛЕКТИК	7
глава 1	7
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	30
ГЛАВА 5	36
ГЛАВА 6	40
ГЛАВА 7	43
Часть 2 В СЕМЬЕ ПРИБЫТКОВЫХ	47
ГЛАВА 1	47
ГЛАВА 2	50
ГЛАВА 3	60
ГЛАВА 4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Пришла и написалась

Эльвира Ивановна Сапфирова

Редактор Эльвира Ивановна Сапфирова

Дизайнер обложки Эльвира Ивановна Сапфирова

Корректор Эльвира Ивановна Сапфирова

Фотограф Эльвира Ивановна Сапфирова

Благодарности:

Эльвира Ивановна Сапфирова

© Эльвира Ивановна Сапфирова, 2026

© Эльвира Ивановна Сапфирова, дизайн обложки, 2026

© Эльвира Ивановна Сапфирова, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0071-2677-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРИШЛА И НАПИСАЛАСЬ

Божественная судьба Сергея Рахманинова

**О музыка! В час скорби и печали
Ты мне врачуешь боль сердечных мук.
Шобер**

Часть 1 НОВАТОР ИЛИ ЭКЛЕКТИК

глава 1

— Эклектик?! — выдохнул Рахманинов, и длинные, хо-
лёные пальцы с силой сжали страницу, сталкивая бледные
мелкие буквы с жирными заголовками.

Крупные черты гладко выбритого лица, будто застыли, и
лишь пухлые, чётко очерченные губы сжимались и разжима-
лись, выражая внутреннее раздражение

Рахманинов бросил лист на купейный столик поезда
Москва — Санкт-Петербург, но назойливые буквы заголовка
«Гений русской музыки или эклектик?!», извиваясь и кор-
чась, неумолимо опять стали в ряд. Ноздри большого рим-
ского носа затрепетали и, уловив запах свежей типографской
краски, недовольно сморщились.

Он поднялся, заполнив собой сразу всё пространство ку-
пе. Высокому, солидному мужчине сорока лет в купе перво-
го класса было тесно. Он достал из внутреннего кармана пи-
джака массивные золотые часы, посмотрел, который час, и
сел, закинув одну ногу на другую.

Западноевропейская внешность, крайняя подтянутость,

застѣгнутость, делали его внушительным и неприступным. Безукоризненно опрятная одежда, белая сорочка, с золотыми запонками, начищенная до блеска обувь, енотовая шуба, висевшая в купе, — всё говорило о достатке и высоком положении господина.

Время от времени он поглядывал на раскрытую газету, досадливо морщился, порывисто вставал, топтался на месте, поглаживая широкой ладонью коротко стриженные тёмно-русые волосы, и опять, вздохнув, садился, скрестив ноги. «В движениях никакой суетливости, никакой мелочности». Выражение высокомерия на холодном породистом лице, не могло скрыть крайней раздражённости. Блуждающий взгляд то застывал на залепленном снегом окне, то лениво скользил по купе.

Люди, люди... Вечное беспокойство и поиск. Где им понять, что он, композитор Рахманинов — человек глубоко русский, прямолинейный, чистый и в жизни, и в искусстве, чужд западным новым «течениям», чужд всякому новаторству. Конечно, ему нужен успех, оvation, слава, но даже если его музыка будет звучать только для него самого, он будет писать, будет сочинять, потому что не сможет жить иначе. Ему необходимо выплеснуть рождающиеся в глубине сердца звуки.

Иногда ему кажется, что он весь состоит из звуков. Рахманинов усмехнулся. Нет, не весь, где-то на восемьдесят пять процентов, а остальные пятнадцать — он человек. Мелодии

звучат в нем не переставая, даже когда он спит.

Московская публика с восторгом принимает любое его новое произведение, его концерты каждый раз сопровождаются потрясающими овациями. Это приятно. Многие «рахманисты» ездят за ним из города в город, чтобы присутствовать на этих концертах». Публика часто до глубокой ночи ожидает его у подъезда, стремясь получить автограф, а из его наёмной кареты администратору часто приходится «вытаскивать» фанатичных поклонниц.

А вот петербургские музыкальные критики требуют новизны формы, «новизны во что бы то ни стало». Всё традиционное, исторически сложившееся им надоело и получало ярлык «эклектического». Что это? Веяния моды или глубинные процессы развития искусства? Музыкальные критики Петербурга всё никак не могут определить, какой же всё-таки вклад вносит Рахманинов в развитие музыкальной культуры страны. Смешные люди!

Одни говорят, что его искусство эклектическое, не передовое, не отвечает современному модернизму, другие признают его новаторство и близость к творчеству П.И.Чайковского.

От этих споров у Рахманинова портится настроение. Он творец и не думает об этом. Он просто пишет ту музыку, которая звучит внутри, которая «пришла и записалась». А про вклад в развитие, направление в искусстве пусть думают критики. Им виднее.

Все чем-то недовольны. В обществе, как перед грозой, душно, всё замерло в ожидании чего-то. Кажется, что время остановилось, и люди потеряли его ритм. Всюду витала страстная жажда нового, необычного, того, «что будоражило бы, ошеломляло человека, заставляло бы думать». От искусства требовали показать новый путь, найти эту новую точку опоры, отвергая старую.

И какой по-детски жестокий и несправедливый вынесли ему приговор: «Ну, гениальный исполнитель, а как композитор — он эклектик, и творчество его — эклектическое».

Рахманинов с досадой свернул газету, и почувствовал усталость от постоянной критики, от дороги, от неустроенности. от вечного перемещения с места на место.

В вагоне тоже витает беспокойное ожидание. Бездействие изнуряет. Хочется встать и бежать. Кажется, дойти до Санкт-Петербурга гораздо быстрее, чем доехать на поезде. Пассажиры, не находя себе места, то тихо переговариваются, то кутаются, ёжась от холода, то с тревогой и надеждой поглядывают на изредка шагавшего по коридору усталого проводника, похожего на снеговика.

Поезд с усилием, еле-еле продвигается вперёд по едва заметным рельсам. Снежная пурга тут же старательно заметает за ним путь и ещё сильнее набрасывается на пышущий паром паровоз, ослепляя и засыпая его снегом. Ничего не видеть! Ветер завывает и бесится, пытаясь остановить движущуюся машину.

Метель... Метёт и метёт всю ночь и утро. Поезд обречённо тащится, дёргается, но медленно, и уверенно продвигается вперёд.

— Ну, уж нет, господа! Тут вы не правы!» — обиженно насупив брови, буркнул Сергей Васильевич, расправил плечи, потягиваясь и закидывая руки за голову. — Не всё так просто и однозначно, как вы думаете. Вам нужно новаторство?! Ищите.

ГЛАВА 2

Новаторство, первенство... В двадцать четыре года он уже переболел манией величия. Он жаждал создать что-либо новое в искусстве. Особенное. Нет, он был уверен, что напишет это необыкновенное. Первая ре-минорная симфония... Она должна была стать открытием, началом новой эры в искусстве.

Легкомыслие молодости! И надо же было так случиться, что именно в Санкт-Петербурге, именно в этом продуваемом насквозь ледяными ветрами городе, она впервые прозвучала и не понравилась ни критике, ни публике.

А как едко над ним подшутил Цезарь Кюи, один из организаторов «Могучей кучки», написав в статье, что «автор талантлив, но что, если бы в аду была консерватория, Рахманинов, несомненно, был бы в ней первым учеником». Обидно. Он получил страшный удар по самолюбию. Можно сказать, город убил его наповал. Прошло почти семнадцать лет. Но как ясно, отчётливо он опять видит себя дрожащим «на железных ступеньках лестницы», как неистово пытается закрыть уши, чтобы не слышать собственной музыки!

Колющие, леденящие душу воспоминания вихрем ворвались в мозг, закружились перед глазами.

Он был высокого мнения о своём произведении, построенном на темах из «Обихода» — книги хоров с песнопени-

ями из служб русской церкви. «Был убеждён, что в Симфонии открыл совершенно новые пути в музыке».

Ах, как легко и свободно ему писалось! Радость созидания захватила. «Казалось, что не существовало ничего, что было бы... не по силам». Рука судорожно, быстро записывала звучание души. Первая ре-минорная симфония «писалась в каком-то радужном настроении», а та лёгкость, с которой сочинялось «ещё прибавляла гордости... и уверенности а своих возможностях. Мысль: «Я могу всё!» — окрыляла, возвышала.

Дописав последнюю ноту Первой симфонии, он так же, как Пушкин, пританцовывал вокруг рояля, восклицая: «Ай-да, Рахманинов! Ай-да, молодец!»

Его слава была в зените. Москва носила на руках своего композитора. Имя Рахманинова произносилось вместе с именем Чайковского. Московское общество прославляло своих кумиров. А когда не стало Петра Ильича, композитор Рахманинов стал первым в плеяде музыкантов Москвы.

Слава — тяжёлое бремя. Как он был молод и горяч! Когда профессор Московской консерватории, его учитель, Сергей Иванович Танеев, прослушал произведение бывшего ученика, то «вовсе не разделил его восторгов», а предложил поработать над формой. Но поколебать уверенности в совершенстве Симфонии не смог. Автор не захотел услышать замечаний учителя. Молодой композитор был уверен, что «открыл новые музыкальные пути»

Уже не было в живых Чайковского, перед которым преклонялся молодой человек и которого безоговорочно слушался. Остановить юного гения, заставить вслушаться ещё раз в своё творение было некому. А тут ещё издатель Гутхейль, всегда такой осторожный и расчётливый, принял с восторгом рукопись и, даже не прослушав Симфонию, без лишних слов, заплатил за неё огромную сумму, пятьсот рублей.

В Москве его творение не оценили. Жаль. Но деньги же заплатили! И Рахманинов, с радужными мечтами, торжествующий заранее победу, поехал в Петербург. Там, в столице, Симфонию обязательно оценят по достоинству, тем более, что его не раз приглашал на музыкальные встречи «Могучей кучки» сам меценат М. П. Беляев, миллионер, поддерживавший материально музыкантов столицы.

Рахманинов был уверен в успехе. И всё же, как только устроился в столице, решил ещё раз проверить действие своей музыки на слушателей.

На квартире у Александра Борисовича Хессина, приятеля, собралось несколько студентов, друзей по Петербургской консерватории.

В этот вечер Рахманинов был в ударе. Он с воодушевлением, с огоньком, играл свою Симфонию на рояле. «Его исполнение захватывало неотразимой трагедийной силой и подъёмом».

Первую часть слушали напряжённо, оценивая, размыш-

ляя, изредка переглядывались, услышав красивое, удачное место. Александр Борисович сначала сидел неподвижно, наклонив голову и вслушиваясь в каждый звук. Удобно разместившись в кресле, сурово молчал, но потом заёрзал в нетерпении, с улыбкой поглядывая на друзей. В его глазах то и дело вспыхивал огонёк восхищения. Он тербил полы пиджака и повторял пальцами движение рук пианиста.

Когда прозвучал заключительный аккорд, возбуждённый Хессин не выдержал, вскочил, бросился обнимать раскрасневшегося Рахманинова и, в порыве восторга, всё время повторял: «Ты гений! Гений!»

Рахманинова окружили. Восторженные возгласы сыпались со всех сторон:

— Невероятно! Использовать в симфонии древний напев из обрядового пения! Это же открытие!

— Не просто использовать, — азартно подхватывает Хессен, — а как он звучит, а? Великолепно!

— Да, сразу чувствуется суровая древность,

— И при этом, симфония певучая, лиричная! — замечает удивлённо кто-то из друзей.

— Господа, господа! Здесь главное — вдохновение! Вдохновение бьёт ключом, мысли льются одна за другой,

— Ах, какая ясность изложения, простота, сжатость формы!

— Изумительно! Ты, брат, действительно, гений! — зычно, на всю комнату сделал вывод Александр Борисович, не

прекращая горячего, длительного рукопожатия.

Друзья долго не могли успокоиться, с удивлением восхищались свежестью таланта и бесконечным вдохновением, возвышенностью, волнующими порывами и драматическим напряжением. Потом они говорили о замысле, форме его Симфонии, об инструментовке, и Сергей Васильевич «сыграл Симфонию вторично, а третью часть даже три раза».

Развеялись все сомнения. Рахманинов точно решил, что его Первая симфония — открытие в музыкальном мире, что он, Рахманинов, «пошёл по какому-то новому пути в своём творчестве».

Было совершенно забыто, что петербуржцы почти не знают его произведений, что их внимание сосредоточено только на «тузах» беляевского кружка — Бородине, Балакиреве, Глазунове — что у них другие взгляды на мир, эстетику, а главное, на природу музыкального мышления, технические принципы композиции.

В общем, они разные, и музыка Рахманинова в их исполнении тоже будет звучать по-другому.

Весна стучалась в дверь и в окна. Пригревало ласковое солнце, и шумные бестолковые стаи воробьёв поднимали гвалт, купаясь в синих дорожных лужах. Переполненный радужными предчувствиями, молодой композитор открывал массивные двери Большого зала благородного собрания в Санкт-Петербурге.

Уже во время репетиции «недостатки сочинения откры-

лись... во всей своей ужасающей наготы». Дирижировал его детищем профессор Петербургской консерватории, композитор Александр Константинович Глазунов. Он не был профессиональным дирижёром и не обладал многими драгоценными для дирижёра умениями. Дирижировал небрежно и равнодушно.

Рахманинов вслушивался в собственное произведение и поражался, как он мог не слышать раньше этих ошибок! Их так много! Музыка почему-то ошарашивала, ошеломляла, производила удручающее впечатление, к тому же «инструментовка казалась отвратительной».

Но и тогда он не остановился. Настойчиво ждал премьеры. И она состоялась.

Публика, не торопясь, занимала места. «И вот потянулась какая-то бесконечно аморфная мутная звуковая масса». «... монументальная фигура Глазунова, неподвижно стоявшего за дирижёрским пультом и совершенно безучастно махавшего палочкой», вызывала недоумение у слушателей. В зале были слышны «одни только порицания, возмущения, недоумения, даже ругань». Вялый характер дирижёра довершил всю «томительную мертвенность впечатления». Кто-то пожимал плечами и удивлялся, «каким образом это „декадентское“ произведение могло вообще проникнуть в благовоспитанные программы беляевских концертов», кто-то просто уходил.

Нет, Рахманинов не сидел в зрительном зале, не заперся

в артистической. Двадцатичетырёхлетний, уже всемирно известный композитор «спрятался на лестничной клетке» и сидел «на железных ступеньках лестницы, ведущей на хоры».

«Мне отмищение, и Аз воздам». Слова эпитафии симфонии хлестали, секли избалованного прежними успехами автора. Сжавшись, он просидел всё время, пока исполнилось произведение, иногда затыкая уши пальцами, чтобы только не слышать звуков собственной музыки, несуразность которой терзала. Одна мысль молотом била в голову: «Как это случилось? Почему? Если бы он сам ею дирижировал?!» Но получилось так, как получилось.

«Судьба порой причиняет такую боль и наносит такие смертельные удары, что полностью меняет характер человека. Когда закончилась неопишуемая пытка её исполнения», он был уже другим человеком. Это «был самый страшный час его жизни».

«Едва отзвучали последние аккорды», как он уже в отчаянии мчался по улице. «Добежал до Невского проспекта, вскочил в конку, что живо напомнило... детство, и беспрестанно ездил туда-сюда по нескончаемой улице, в ветре и тумане, преследуемый мыслью о собственном провале. Наконец, ... успокоился настолько, что даже пошёл к Беляеву на устроенный в его честь ужин. Но даже там чувство унижения, сменившее прежнюю уверенность в себе, не покидало ни на минуту.

Ужин не радовал. Премьеру симфонии вспоминали с

улыбкой и смехом. Не утешали и примеры о провалах великих произведений, потому что они якобы были слишком непонятны и гениальны для современной публики.

Не обошли вниманием и совсем недавно освистанную постановку пьесы Чехова «Чайка» в Александровском театре. Говорили, что драматург сильно переживал, даже можно сказать, воспринял провал своего детища, как катастрофу, и так был потрясен провалом надежд, что, не простившись ни с кем, сбежал от общества в своё имение Мелихово.

Сергей Васильевич, слушая, находил в себе силы только улыбаться. Никакие подбадривания присутствующих коллег не могли успокоить. Поражённый неудачей, композитор на следующий же день уехал к бабушке, Софии Александровне Бутаковой, в её имение под Новгородом, и так же, как писатель Чехов, долгое время не мог писать.

Два года — ни одного произведения, ни одной ноты! Он серьёзно заболел и перестал сочинять музыку.

Сколько раз тётя Варвара Аркадьевна, обеспокоенная его здоровьем, увещевала племянника, безучастно смотревшего в потолок уже второй год:

— А Гоголь! Ты же знаешь, как провалилась его комедия «Ревизор»! Помогло ему бегство из Петербурга?! От себя не убежишь. Надо взять себя в руки.

А он лежал целыми днями на кушетке, мрачно молчал, почти не реагируя на убеждения. Внутри поселилась злоежащая тишина маленьких мрачных комнат городской кварти-

ры детства.

Он отчётливо понимал, к чему пришёл. «Провал Симфонии означал отрицание избранного им пути». Он не композитор. Все надежды, вся вера в себя рухнули.

Никакие уверения, что произошло недоразумение, что виноват все-таки дирижёр, что Симфония была недостаточно спепетирована, что оркестр «шатался», не могли успокоить Рахманинова. Стараясь поднять его дух, друзья и родственники «уверяли, что отсутствовала элементарная устойчивость в темпах, а многие ошибки в оркестровых партиях оказались неисправленными.

Он был глух к этим доказательствам. Кто-то из близких, отчаявшись, наконец, решил сказать совсем скандальную правду, гулявшую в артистической среде. Глазунов был нетрезв! Дирижировал формально, без проблесков увлечения, без подъёма и яркости оркестрового звучания! Поражала мёртвая, внешняя передача произведения.

Но Рахманинов был слишком требователен к себе, чтобы обращать внимание на эти разговоры. После исполнения Симфонии, композитор, «уязвлённый в самое сердце, забрал своё сочинение и спрятал партитуру за семью печатями, чтобы никто и никогда больше не слышал из неё ни одной ноты».

Но люди не будут людьми, если не найдут ключ и к этой загадке. Автограф партитуры Первой симфонии ре-минор ор. 13, действительно, так до сих пор и не найден. Спустя почти

пятьдесят лет после провала, в тысяча девятьсот сорок пятом году, уже через два года после смерти композитора, она опять будет звучать, но в Москве, в Большом зале Консерватории. Партитуру восстановят по оркестровым голосам, найденным А. С. Оссовским в библиотеке Ленинградской государственной консерватории.

ГЛАВА 3

Через месяц — страшный юбилей, день провала Первой симфонии. А он опять едет в Петербург, будто отмечает это событие. И не просто едет, а везёт своё любимое детище, свою новую вокально-симфоническую поэму «Колокола». Опять необычную. Очень сложную. С оркестром, хором и солистами. Но теперь дирижировать будет он сам. На что он надеется? Конечно же, на понимание и успех. За семнадцать лет много воды утекло, многое изменилось: публика стала музыкально образованнее, он возмужал и давно постиг мудрость и дальновидность Иогана Себастьяна Баха, который под каждым своим произведением писал три буквы: SDG (Одному Богу Слава)

Паровоз засвистел. Резкий толчок — и вагон нехотя заскрежетал, заскрипел, покатился медленнее и опять стал. Рахманинов поднял голову, огляделся. Ничего не изменилось. Да, в вагоне ничего не изменилось. А в нём? В его жизни? Опять вздохнул. Как важно в себе при любых обстоятельствах сохранять Благодарность миру, Богу. Он смог. Не предал дела, которому служил.

Но с ним до сих пор случаются страшные приступы неверия в себя, в невозможность создать что-либо стоящее. Нет-нет, да и возникнет «образ дерева с молодым побегом, который прищемили безжалостные пальцы и остановили в ро-

сте».

В соседнем купе заплакал проснувшийся ребёнок. Замигала лампочка в коридоре. Вагон дёрнулся. Неужели поехали?! Запел чёткий, ровный стук колёс.

Значит, скоро конец этой долгой, изнурительной дороги. Вытянул затёкшие от долгого сидения ноги, уселся удобнее, расслабился.

Мог ли он сегодня не вспомнить о своём провале? «Не отразится ли на нём это воспоминание, ускорив его болезнь, сделав его ещё более сомневающимся в себе?» Кто знает?!

В Петербурге всё было не так, как в Москве. Даже его удачно сыгранный Второй концерт звучал здесь не так ярко и притягательно. Слушатели разные.

«В Москве основой жизненного уклада оставались уют и удобства. Там носили длинные бороды и кутались в собольи шубы; там называли императора „царём-батюшкой“ и не обсуждали его поступков. В то же время в Петербурге гладко брились, носили шитые золотом мундиры, вместо сытных обедов затягивали потуже ремни, чтобы купить пару новых перчаток, и говорили о царе „Его Величество“. Петербуржцы с высокомерием взирали на патриархальных москвичей, а москвичи с насмешливой иронией относились к напыщенной пустоголовости обитателей столицы на Неве. Всё искусство москвичей было пропитано „русским духом“. В Петербурге же музыканты тяготели, пропагандировали больше западное искусство».

Две столицы — два направления в искусстве. Почему два? Так получилось. А началось всё с того, что два брата- музыканта, Антон и Николай Рубинштейны, побывав за границей, решили, что в России молодые люди тоже должны иметь возможность получить музыкальное образование, и при поддержке властей открыли в Петербурге и Москве консерватории, где стали готовить своих русских композиторов и музыкантов.

Так появились две школы, два течения, но сформировались они постепенно. Славило одно — Россию и русский народ. Хотя раньше Рахманинов думал иначе. Очарованный П. И. Чайковским, стоящим во главе Московской музыкальной школы, и его музыкой, он мало общался с Римским-Корсаковым, возглавлявшим Петербургскую музыкальную школу. Его идеалом и учителем был Пётр Ильич.

Сколько лет прошло! Ушли из жизни многие композиторы «Могучей кучки», не стало Чайковского. Пора бы и воссоединиться. Рахманинов, которого музыкальное общество России признало русским композитором номер один, прилагал к этому все усилия, но... ан, нет, не всё получается! И эта несправедливая статья тому подтверждение.

Сергей Васильевич вздохнул, похлопал по карману в надежде найти папиросу. Зря. Наташа, конечно же, вычистила все карманы. Ему врачи запретили курить, и жена строго следила за выполнением назначений. А он просто млеет от этой заботы и искоренять пагубную привычку не особо ста-

рался. Какое это счастье, когда о тебе кто-то думает, беспокоится, печётся! Вздохнул. Тёплая, ласковая улыбка собрала складки около пухлых губ. Достал леденец, покрутил. Опять вздохнул, развернул конфетку и положил в рот. А как хочется курить!

Вот петербургской «Могучей кучке» Римский-Корсаков разрешал всё. На их собраниях дым стоял коромыслом — и ничего! А ему нельзя. Жалко. И учеником его не пришлось побывать: подлинное величие этого композитора он, Рахманинов, постиг не сразу.

Вернуть веру в себя, веру в возможность того, что делает, так до конца и не удалось, до сих пор сомнения мучают, изматывают.

Спрятав руки в тёплые карманы шубы, задумался. Петербург. Город, с которым связаны одни несчастья! Но ехать необходимо. Столица! Музыкальный центр страны. Он написал новое произведение с любимыми колоколами. Его грандиозная премьера. должна состояться в Петербурге! Сцены концертных залов столицы необходимы странствующему музыканту, а потому жизнь полосата: летом он композитор, творчество которого знает уже весь мир. Осень и зиму — дирижёр, пианист, артист. Даёт концерты, разъезжает по городам России и Европы.

Была ещё одна причина, по которой он обязательно должен быть в Петербурге. Александр Ильич Зилоти, учитель и профессор, известный пианист-виртуоз, несколько лет под-

ряд каждую зиму устраивал в столице фортепианные концерты европейских и русских музыкантов в Большом дворянском собрании Санкт-Петербурга. Но сначала дела шли плохо: удручали полупустые залы, равнодушие петербургского высшего света и пачки не проданных концертных абонементов.

Сергей Васильевич пришёл на помощь другу и двоюродному брату, так как его слава первого композитора, гениального пианиста и дирижёра была неоспорима. Концерты Рахманинова привлекли публику, расшевелили интерес к музыкальным вечерам у молодёжи. Дело пошло на лад, и Зилоти воспрял духом, повеселел.

Этот зимний сезон особенный. Александр Ильич постарался. Пригласил пианистов-виртуозов со всего мира показать, продемонстрировать своё мастерство. Решил угостить петербуржцев музыкой на славу.

Нет, это не средневековые музыкальные состязания, которые популярны в Европе и сейчас, а демонстрация музыкальной жизни России, показ миру, «до какой высоты поднялось русское искусство» за последние десятилетия.

Состязания? Соревнования? Наверное, люди никогда не откажутся от них в силу своей тщеславности. Желание быть лучше всех, быть первыми не всегда помогает развитию, иногда может и погубить талант, но всегда притягивают публику.

Сергей Васильевич усмехнулся, вспомнив несостоявшие-

еся состязание знаменитого французского органиста Луи Маршана и Иоганна Себастьяна Баха.

Француз, приехавший в Дрезден по приглашению короля, купался в лучах славы, пока случайно не услышал, как играет на органе местный капельмейстер Иоганн Себастьян Бах. Любимая мелодия французской песенки под пальцами Баха «вдруг превратилась в грациозную девушку», танцующую на лугу, среди цветов. «В её раскрытых глазах жили грусть, радость, ожидание счастья».

Маршан, объездивший с триумфом города Франции и Италии, никогда ничего подобного не слышал. Его поразила манера игры никому не известного музыканта.

Через некоторое время на балу у короля было решено устроить состязание двух органистов. Иоганн Себастьян Бах в дружеском порыве протянул листок Маршану, с наспех написанной им темой для импровизации. Но состязание не состоялось.

Француз сбежал. Проигрывать, как и выигрывать, может не каждый.

Время другое, и соревнования другие, а холодок по позвоночнику, бисеринки пота на лбу от волнения у музыкантов сохраняются и сейчас.

Сергей Васильевич передёрнул плечами. Он сцены никогда не боялся, не дрожал. Он, Рахманинов, едет в Петербург, где с радостью встретится с зарубежными знаменитыми пианистами и не посрамит русскую музыкальную школу. Он ма-

стер «серебряного» звука, и давно достиг той вершины, где судить его игру может только он сам.

Послышался шум голосов. Мысли вернулись в действительность. Мимо прошёл проводник, оставляя после себя следы иссиня-белого снега на красной ковровой дорожке и кисею нехотя оседавших невесомых снежинок. Рахманинов плотнее прижал к телу полы шубы и спрятал лицо в меховой воротник. Задумался. Опять это новаторство в музыке, опять этот вклад в музыкальное развитие...

Однажды Моцарту так надоели эти вопросы, что он ответил:

— А я не сочиняю, мне велят, я и пишу. Иногда мне кажется, я написал бы какую-нибудь часть лучше, но мне велят так, и я пишу.

Музыка — наслаждение звуком. Слушать, внимать, чувствовать! Не надо думать! Звучит музыка, и — душа просыпается, раскрывается осторожно, как бутон, прислушивается. Тишина? Нет. Абсолютная тишина только в космосе, а здесь, на Земле, всегда происходит что-то необычное, волшебное. Надо уметь наслаждаться звуками, ведь они тоже когда-то родились. Как?

Может, это произошло, когда дыхание зарождающегося мира проникло в фоновую тишину космоса и соединилось с ней? И вот оно — чудо! Земной мир, задыхаясь от счастья, зазвенел, запел, зашуршал камышом, зашелестел ручьём, ухнул камнем, пискнул мышонком. Родился звук! Луч-

на приласкала воды океана, и — вздохнула волна, побежала на берег, застучала камешками. Родился звонкий мир! Сумасшедший восторг! Неистовое ликование! И из груди вырывался победный ликующий возглас: «И-и-их!»

Мир звучит! Мир поёт! Зачем же это препарировать?! Эх, мыслители, философы, критики...

ГЛАВА 4

Его ждёт публика, с ней полное единодушие и взаимопонимание: и фанаты есть, и поклонники, и даже вздыхатели.

Однажды после очередного концерта один из них витиевато, высокопарно, но горячо уверял:

— Ну, что Вы! Ваша гениальная одарённость, Сергей Васильевич. «создаёт в слушателе безграничное доверие к Рахманинову — композитору и исполнителю!»

И обращаясь уже к толпе поклонников, объяснил:

— Доверие! Понимаете, своей музыкой Рахманинов словно «берёт нас за руку и ведёт, и вы знаете, что выведет... к свету».

Восторженный такой поклонник, но говорил всё верно. Свет любви — это ли не главное в жизни каждого из нас?!

Молодёжь... Она помогала и поддерживала, укрепляла его веру в себя. Однажды он получил анонимное письмо на нескольких листках, исписанных убористым мелким почерком. Писала молодая девушка, он понял это сразу.

Каждая строка дышала таким сильным, таким яростным желанием спасти его, поддержать, убедить в гениальности, что не поверить было просто невозможно. Она настойчиво приводила неоспоримые, веские доказательства исторической необходимости его музыки, уверяла, что прогрессивности, в ней «в тысячу раз больше, чем все формальные вы-

думки модернистов».

Как права эта девушка, считавшая главным критерием ценности музыки, — её влияние на слушателей. Как это верно: хорошая музыка очищает, поднимает душу, возбуждает благородные порывы. А если музыка «развязывает в человеке его низменное, чувственное, хаотическое, разрушает душу, то она лжива, вредна, противна самой природе того, что греки называли «мелосом».

Дочитывая последние строки её письма, Рахманинов улыбался, неизвестная поклонница звенела, звучала ноткой ре. Так её заочно и окрестили в семье композитора — «Нотка Ре».

Он ждал писем от незнакомки, как бедный бедуин жаждет глоток воды в пустыне. Читал и перечитывал очередное послание, наполняясь живительной влагой веры в себя. Там не было лести, нет. В них была именно та уверенность в его гений, в его талант, без которой невозможно творить. «В них он находил к себе веру, надежду и любовь: тот бальзам, которым» лечил свои раны.

Она постоянно, в каждом письме отыскивала черту или чётточку в его даровании, доказывая его гениальность. А через год эта студентка московского университета написала о нём великолепную объёмную статью, которую напечатали в «Трудах и днях». О таком критике можно было только мечтать! Музыкально-психологический этюд на два номера журнала, где было много интересного и меткого о его музыке и

о нём, как о человеке.

Как, откуда эта незнакомая девочка, никогда с ним не встречавшаяся смогла понять, почувствовать его боль души, его терзания?! Он был удивлён, обрадован, и остался очень доволен. Вероятно, несмотря на то, что он, как будто один стоял «вне всяких направлений», и вроде бы ничего нового в музыке не говорил, а молодёжь, которая всё знает о любимых музыкантах, угадала, как «ему тяжело, как он устал, и не знает, как и что дальше».

Это придавало силы и уверенности. Статья произвела фурор в московском обществе, и даже понравилась в Петербурге.

Сергей Васильевич в ответном послании поблагодарил автора за тёплые слова в свой адрес и, со свойственной ему иронией, заметил: «Мой „вес“ оказался несколько преувеличенным. На самом деле я вешу легче (и с каждым днём всё более худею)».

Каким зорким и внимательным надо быть, чтобы заметить в многочисленной массе незнакомых людей того, кто станет другом! Возможно ли в толпе, проходившей мимо, узнать, увидеть родную душу?! С Рахманиновым не могло быть иначе, он умел быть и зорким, и благодарным.

Они встретились неожиданно, во время антракта.

В артистической было много народа. Одни приходили, что-то говорили, другие исчезали. Молча, ни на кого не глядя, полузакрыв от усталости глаза, Рахманинов сидел, отки-

нувшись на спинку кресла. И вдруг почувствовал, как совсем близко незнакомо зашуршало платье, пахнуло нежно-вкрадчивым ароматом фиалки. Артиста обжёг стремительно брошенный взгляд, и — молниеносно большая белая рука схватила подол наряда.

Перед ним испуганно стояла черноволосая, смуглая девушка невысокого роста, с распахнутыми от удивления карими глазами и кавказским носом. Она проходила мимо и, не удержавшись, взглянула на любимого композитора, да так и осталась стоять возле его кресла, неожиданно пойманная Рахманиновым.

— Наташа, иди сюда! Смотри. Кого я поймал! — «преспокойно и негромко позвал он жену, встал и удивительно внятным голосом представил. — Мариэтта Шагинян, девушка, которая весьма метко меня описывает и хорошо знает. Откуда?

Рахманинов вопросительно, тепло посмотрел на девушку, которая растерянно хлопала ресницами, улыбалась и смуглая кожа успешно скрывала румянец смущения на щеках. А он заботливо говорил и говорил, будто знал её сто лет, тактично давая возможность своей поклоннице, прийти в себя.

— «Не устаю поражаться. Отныне, говоря о себе, могу смело ссылаться на Вас и делать выноски из Ваших писем: авторитетность Ваша тут вне сомнений... Говорю серьёзно! Одно только не хорошо», я не уверен, что Ваш портрет в письмах как две капли воды схож с оригиналом, — говорил

он серьёзно, а в глазах плясали озорные искорки. — «Научите меня в себя верить, милая, Ре! Хоть бы наполовину так, как Вы в меня верите. Если я когда-нибудь в себя верил, то давно — очень давно — в молодости!»

Мариэтта слушала и не слышала, поглядывая то на артиста, то на его ласково улыбающуюся жену. Судорожно размышляла. Конечно, он знал от Слонова, кто скрывался под «Ноткой Ре», ведь её статьи о музыке не могли пройти мимо, но видеться-то им до сих пор не случилось.

— Но как? Как Вы догадались, что это я? — спрашивала обескураженная происшедшим Мариэтта, — вы же меня никогда не видели?

Ответ озадачил её ещё больше.

— «Вы как-то знакомо на меня поглядели».

А он радовался, как ребёнок. Вот такая у него заступница! Да, именно такого отношения к нему и его творчеству не доставало Рахманинову, «именно такого широкого взгляда на его роль в русской музыке». И она, эта миниатюрная девушка, поняла всё и осмыслила.

Сколько раз после этой первой встречи Мариэтта, с горящими глазами, отчаянно жестикулируя, запальчиво уверяла композитора, как на митинге:

— «Вы нужный народу творец, обязанный решить историческую задачу, противопоставить разладу и неразберихе в музыке, мистике теософии и восстановить линию развития передовой русской музыкальной культуры».

Рахманинов улыбнулся. Очень темпераментная поклонница, смешная Мариэтта Шагинян. Но какая молодец! Они подружились. Она помогает творить и верить, что его труд не напрасен, продолжает присылать в письмах самые красивые стихи для романсов. Чтобы он лучше слышал мелодию строф, «начитывает» тексты графически, то есть «дает рисунок ритма.., рисунок интонационного движения». Очень подробно анализирует.

Ах, какие романсы он написал благодаря Нотке Ре! И «Сон» на стихи Ф. Сологуба, и «Крысолов» на стихи В. Брюсова. И как смешно, по-детски обижалась, что романс «Сирень» (один из самых красивых и сложных) он посвятил не ей.

Рахманинов встал, заполняя пространство купе, и с воодушевлением замурлыкал баском, негромко, как бы про себя, держась за спинку диванчика. Зато романс на стихи Пушкина «Муза» по праву посвящён Нотке Ре. Даже газета «Русский листок» хвалила: «... Какое блаженство, какое художественное наслаждение получает каждый, слушая со сцены дивные стихи Пушкина, бесспорно талантливо и разнообразно иллюстрированные музыкой Рахманинова».

Да, у него получилось! Музыка, действительно слилась в одно нераздельное целое со словами великого поэта.

ГЛАВА 5

Сергей Васильевич подошёл к окну, провёл пальцем по стеклу. Посыпалась снежная пыль. Мёртвое, ледяное царство. Наш мир живой, наполненный звуками. Какие из них глубже проникают в душу? Звуки смысла слов или звуки музыки? Что возвышает, лечит быстрее душевные раны?

Фёкла Яковлевна Руссо, или Белая Сирень, как в семье Рахманиновых назвали одну из благодарных поклонниц его таланта, по-своему ответила на этот вопрос. В любое время года, в любой части света, в любом государстве после выступления артисту на сцену преподносят корзину, наполненную ветками белой сирени.

Он не был знаком с этой женщиной, но друзья узнали и рассказали причину такого постоянства.

Она приехала в Москву к жениху из маленького, провинциального городка, где учила детей в школе, но счастливый брак длился недолго. Муж умер. Горе было безмерным. Жизнь просто остановилась. Тогда, отчаявшись утешить её словами, подруги уговорили пойти на вечер музыки Рахманинова. Он играл свои знаменитые Второй и Третий концерты.

Первые же такты колокольным звоном, как набатом, встряхнули, захватили в плен, разбудили скованную сном душу, вытесняя прежние мысли.

Ей казалось, что она корабль на приколе. Хотелось бы рвануться и умчаться в открытое море, навстречу волнам, но всё дно обросло водорослями, обсыпано ракушками. Присосались — не оторвать, Их так много, что не сдвинуться с места, сколько ни рвись. Всё глубже и глубже корабль погружается в пучину морских вод, не чувствуя солнечного тепла, не слыша призывных криков чаек.

Где-то резвятся волны и гуляет ветер свободы, а она стоит закованная, покачиваясь, ни жива ни мертва и не может сдвинуться с места. Она спит, она умирает...

И музыка плачет вместе с ней, обнимает, рыдает и мечется. Жгучие слёзы текут и текут по щекам без остановки. Это музыка растворяет застывшую лавину горя, сковывавшую женщину, сдвигает камни горечи, притупляет боль одиночества. Как драгоценный эликсир, музыка освобождает от пут мрачных, скорбных дум. Очищает.

Постепенно дыхание выравнивается. На сцепленные, обескровленные пальцы капает не горькие слёзы, прожигавшие борозды морщин, а слёзы избавления и очищения. Жизнь озаряется теплом света и любви.

Из зала она выходила уже другим человеком. Музыка разбудила в ней жажду жизни несмотря ни на что.

С тех пор в знак благодарности и преклонения перед создателем гениальной музыки, после каждого выступления Рахманинову дарят на сцене букет белой сирени от признательной поклонницы, Фёклы Яковлевны Руссо.

Букет — это хорошо, приятно, но дороже то, что твоя музыка нужна, что она помогает жить, возвышает душу. Значит, не напрасно потрачены силы и здоровье.

Рахманинов всегда знал и твёрдо верил: звук проникает в душу гораздо глубже слова. На каком бы континенте ни звучала его музыка, публика понимает её одинаково. Лица светлеют, в глазах загорается огонёк надежды. А в его романах мелодия передаёт состояние души гораздо ярче и пронзительнее, чем слова. Может, поэтому таким удачным вышел «Вокализ», написанный для Антонины Васильевны Неждановой, певице с уникальным лирико-колоратурным сопрано. Но и она не сразу поняла его замысла, потому что на репетиции спросила:

— Сергей Васильевич, «Вокализ» — «такое талантливое, прекрасное произведение, с большим художественным вкусом, знанием», оно производит сильнейшее впечатление и вдруг — без слов! Как жаль!

Тогда Рахманинов, не спеша, закрыл нотную тетрадь, стоявшую на фортепиано, и как можно серьёзнее и убедительнее ответил:

— «Зачем слова, когда вы своим голосом и исполнением сможете выразить всё лучше и значительно больше, чем кто-нибудь словами».

Она смутилась и «выразила от всей души свою глубокую благодарность за такое лестное мнение и исключительное отношение» к ней.

Успех «Вокализа» в исполнении Неждановой был колоссальный. Она, действительно, сумела передать чувства, владевшие на тот момент композитором. Сергей Васильевич подарил певице и рукопись, и посвящение. В её исполнении слова не нужны, всё понятно и так, без слов. Новое это слово в музыке, или нет?! Или это просто музыка, где поёт душа?

Всё-таки ему придётся стоять одному вне направлений, творить, не говоря нового слова, или, наоборот, опережая новое.

ГЛАВА 6

Рахманинов вздохнул, расслабился, облокотившись на спинку дивана, прикрыл глаза. Никак не уснуть! Не укачивает даже монотонный перестук колёс, к тому же близится время работы. Когда часы запели бодрую, простенькую немецкую песенку, он улыбнулся, ласково провёл по внутреннему карману пиджака. Драгоценный подарок. Единственная вещь, оставшаяся у него от счастливой поры юности. Как давно было!

Он на «отлично» сдал экзамен в консерватории. Счастью не было предела. Но главная радость ждала его впереди. Среди членов комиссии сидел и Николай Сергеевич Зверев, учитель, профессор и «почти отец». После экзамена он подошёл к Рахманинову, отвёл его к окну. Остановившись у подоконника, обнял и расцеловал воспитанника со словами:

— Я счастлив. У тебя большое будущее.

Вынул из жилетного кармана золотые часы и подарил их Сергею. С тех пор Рахманинов не расставался с ними никогда. Подарок на всю жизнь. Сколько раз была возможность сменить эти массивные, неуклюжие часы прошлого века на новые, более лёгкие и нарядные с золотыми украшениями! Не захотел. Так всю жизнь и ездят вместе, точно зная время отдыха и время работы.

Пришёл час упражнений и никакие причины не должны

повлиять на тренировку пальцев. Помогает нема, беззвучные клавиши, которая всегда рядом. В дороге нет рояля, а играть необходимо. Сергей Васильевич располагается как можно удобнее, и — пальцы пришли в движение. Сначала медленно, лениво, потом всё быстрее и быстрее.

После двух часов занятий можно опять отдохнуть.

Толчок. Рахманинов приподнялся, ударившись плечом о перегородку, вздохнул. озабоченно оглянулся. Вагон остановился. Что-то случилось? Нет, всё спокойно. Накинул шубу, прошёл к выходу.

— Станция, Ваше благородие! — сообщает проводник, оглядываясь и пропуская к выходу пассажира, — можно киятку на станции взять, если желаете. Туточки, совсем недалеко остановились.

Сергей Васильевич вдыхает свежий морозный воздух и неторопливо спускается на перрон и тут же недовольно морщится. Из дверей видневшегося вдали здания выскочила группа фотографов, репортёров. Размахивая блокнотами, все несутся ему навстречу. «Газетчики! — мелькает мысль, — и здесь нашли!» Губы досадливо сжимаются, и Рахманинов с силой запахивает полу шубы, отчего каракулевый воротник встает по стойке «смирно». Лицо композитора наполовину погружается в тёплый мех, но, подчиняясь неизбежному, знаменитый композитор со вздохом идёт вперёд, как на заклятие. А через несколько секунд, оторопевший от неожиданности, останавливается. Вся толпа журналистов с

криками пробегает мимо него и окружает стоявшего на перроне невысокого дородного мужчину.

— Ишь, как оно! — говорит вожатый, цокая в восхищении языком, — надясь, какая-нибудь знаменитость!

Рахманинов удивлённо смотрит вслед толпе, потом весело смеётся, будто видит себя со стороны. Комично, ничего не скажешь. Видно, у прессы в данный период другие цели, только и всего. Настроение сразу поднимается. Усмехнувшись, подумал: «Э-э-э, брат, нельзя забывать слова великого Баха «Одному Богу Слава!»

ГЛАВА 7

Кипяток в дороге, да ещё зимой — настоящее удовольствие! Каждый глоток согревает и душу, и мысли. Дороги... Сколько их, разных, непредсказуемых! Ему ли, «бедному странствующему музыканту», как он себя называл, их не знать! И каждый раз, отправляясь в путешествие, он чувствовал холодок и тревогу неизвестности. Что там ждёт впереди?

В соседнем купе моложавая женщина средних лет, кутаясь в ажурную шаль, что-то негромко рассказывала утомлённым детям. Наверное, такая же терпеливая, как его Наташа, которая с дочерьми осталась дома, в Москве. Замёрзла бы здесь, устала.

Наташа... ангел-хранитель, его жена. Это она вместе с семьёй тётушки Варвары Аркадьевны Сатиной вытаскивала его из пучины депрессии после страшного провала Первой симфонии, это она изо всех сил старалась поднять его боевой дух и вселить в него уверенность и надежду. Успокаивала и жалела, веселила и приносила еду, терпеливо читала книжки. Особенно запомнилась такая тоненькая в серенькой обложке «О выборе характера». Смешные, заботливые сестрички. Разве можно победить такую болезнь силой воли?! Когда ничего не помогло, отыскивали удивительного врача-волшебника Николая Владимировича Даля, кото-

рый с помощью своей методики гипноза, смог восстановить в нём желание жить и сочинять.

Это она, Наташа, окружила его такой заботой и вниманием, что он просто обречён был на выздоровление.

Наташа... С ней можно быть каким угодно: мужественным, сильным и до бесконечности неуверенным в себе. Весёлым и нудным, остроумным и пресным, тоскующим; стойким и малодушным, но всегда честным. Она принимала и любила его таким, каким он был в данный момент.

Могла целый час перед концертом ползать по полу в поисках закатившейся счастливой запонки и одновременно успокаивать, уверяя, что всё равно пропажа найдётся. А он стоял посреди артистической безнадёжно несчастный, расстроенный до невозможности, и повторял, что другие запонки ему не нужны. Он ныл, как будто в этой злосчастной пуговке была заключена вся его удача, и если не найти именно её, то может случиться всё, что угодно. Жаловался и не двигался с места.

Наташа никогда не теряла присутствие духа, её безграничное терпение и забота о нём с годами стали восприниматься им как нечто само собою разумеющееся, но Сергей Васильевич всегда знал: он любим самой преданной и самоотверженной женщиной на свете.

Наташа... Каким томным, манящим был её взгляд там, в стогу сена, какое чудное благоухание разливалось от скошенной травы, как звонко и настойчиво пели цикады! Ночь.

Тишина. И эта сумасшедшая, качающаяся луна над рекой и шуршание прибрежного камыша, и еле слышный шёпот:

— Я не смогу жить без твоей музыки. Я буду слушать её бесконечно. Ты только пиши.

Жизнь идёт по спирали, и в каждом витке он старался подняться на ступеньку вверх. Не получалось? Помнил: лучше топтаться на месте, только — не вниз! Жить и сладостно, и тяжело. Одно радует: Рахманиновых много и Москве, и в Петербурге. Дворянский род древний, многочисленный, и все музыкальны. У дедушки Аркадия Александровича Рахманинова и Варвары Васильевны было девять детей. Все дожили до старости, у всех тоже родились дети. Родни: тётушек и дядюшек, двоюродных сестёр и братьев, племянников и племянниц — не счесть. Один из сыновей деда, Василий, стал его отцом, а семьи трёх петербургских тётушек заменили ему родную.

Хлопнула дверь вагона, вместе с проводником ворвалась, засвистела снежная пыль, пахнуло холодом. Сергей Васильевич улыбнулся. Вперёд, он едет вперёд несмотря ни на что. Достал из кармана конфетку, развернул и, не увидев урны, положил обёртку в карман. Бабушкино воспитание! Во всём должен быть порядок.

Рахманинов едет в Петербург и, конечно, остановится жить у родственников. Он уже заранее знает, что всё получится, как в детстве: некоторое время проживёт у одно-

го двоюродного брата, Аркадия Георгиевича Прибыткова, несколько дней у другого, Саши Зилоти, профессора консерватории, пианиста. Несколько дней — у Трубниковых.

«Семья Прибытковых большая, спаянная, настоящая. Всегда уютно, оживлённо, просто и душевно». Три дочери, Елена, Зоя, Татьяна, умны, трудолюбивы и добры. Здесь привольно, и Зочку, младшую, он любит сильнее остальных.

Казалось, с самых первых лет жизни племянницы, между ними установилась никем не видимая связь. Ребёнком она ходила по пятам за дядей, а тот с восхищением смотрел на кроху, которая могла часами сидеть у него на рояле на месте нот, не шевелясь, затаив дыхание, и слушать, как он играет. Казалось, она впитывает звуки, растворяется в них. Ему всегда нравился её серьёзный не по годам взгляд и не детская рассудительность, но больше всего — преданность музыке. Это встретишь не часто. Она, наверное, и сейчас мёрзнет на вокзале, ожидает прихода поезда.

ЧАСТЬ 2 В СЕМЬЕ ПРИБЫТКОВЫХ

ГЛАВА 1

Конечно, она ждала. Холодный петербургский нарождающийся день. Поезд должен прийти в восемь. Зоя в нетерпении ходит по платформе Николаевского вокзала, вглядываясь вдаль. То на одном конце платформы постоит, пританцовывая и чувствуя, как стынут нос и щёки, то побежит на другой, поворачиваясь к ледяному ветру спиной. Ничего не видно. Сплошная белая кисея. Носильщики, как сговорились, на вопросы, где поезд, когда прибудет, отвечают одно и тоже:

— Так, заносы же, барышня! Заносы! Опаздываем.

— На сколько часов? — летит вдогонку отчаянный вопрос мужику, но тот лишь пожимает плечами.

Зоя с досады топает замёрзшими ногами в сафьяновых сапожках. Значит, ещё неизвестно, сколько времени вглядываться в большие скачущие стрелки вокзальных часов и волноваться. Волноваться так, что сердце вот-вот выскочит из груди. Трудно дышать. Ветер. Никого.

Наверное, мама была права, когда отговаривала ехать на вокзал. Ждать дома? Нет, это выше её сил. Присланное дя-

дей письмо просто перевернуло всю её будничную, размеренную жизнь. Как она прыгала вокруг стола и размахивала листком исписанной бумаги!

— Наконец-то! Радость-то какая! Радость! — восторженно кричала Зоя сёстрам и маме. — Дядя Сережа к нам едет!

Глаза сияли, полные щёки неудержимо наливались яркой краской. Она с волнением и мольбой устремляла взгляд на сидевшую за столом улыбавшуюся маму:

— Я еду на вокзал? Правда?

Темноволосая женщина средних лет с утончёнными чертами лица, Зоя Николаевна Прибыткова, или, как её называл Рахманинов, Большая Зоя, качала головой. На улице метель, снег валит который день подряд, мороз. Зима выдалась на удивление снежной, да и учёбу в гимназии никто не отменял. Но дочь смотрела умоляюще настойчиво, и женщина сдалась.

Весь следующий день проходит в приготовлениях к встрече. Какие музыкальные занятия! Какая гимназия! Всё летит кувырком. Приезжает дядя Серёжа! Кабинет хозяина, Аркадия Георгиевича Прибыткова, тщательно моется, с письменного стола убираются все предметы, кроме настольной лампы. Теперь здесь будет жить дядя Серёжа, а он, как и Зоя, любит чистоту и порядок. Ничего лишнего.

А сейчас она ходит взад и вперёд по вокзалу, Пусто. Холодно. Стрелки давно проскочили цифру восемь, девять, десять... Где же поезд? Кажется, этому ожиданию не будет кон-

ца. Каждую секунду Зоя с надеждой поглядывает на постоянно хлопающие двери — вдруг появится долгожданный дымок.

Всё имеет свой конец, и этот поезд тоже когда-нибудь должен был прийти к месту своего назначения.

Наконец, разорвав тишину, в зал врывается паровозный гудок. Зоя вылетает на платформу. Тяжело пытая, усталый, замученный паровоз медленно подходит к вокзалу.

Боясь затеряться в толпе приехавших, пропустить дядю, она мечется среди идущих навстречу ей людей, и вдруг слышит знакомый басок:

— Зочка...

Оглядывается и видит вышедшего из вагона дядю Серёжу. Он радостно улыбается и машет рукой. Глаза смеются. Целый год не виделись! Целует её, «берёт девичью руку в свою большую, вместительную руку, весело рассматривает» девушку и ведёт к выходу, поглядывая: «Выросла-то как!»

ГЛАВА 2

Замёрзшие, голодные и счастливые, Рахманинов с Зоей подъезжают к дому Прибытковых. Пока Зоя нетерпеливо дёргает за колокольчик, Сергей Васильевич уже входит в прихожую чуть пригнувшись в дверях — привычка с детства, когда казалось, что любой косяк норовит стукнуть по макушке. Вошёл, и — началось...

Шум, объятия, смех. Говорят сразу все, громко, радостно. Никто никого не слушает, но каждый всё понимает, льнёт к гостю, возбуждённо что-то восклицает. Тётушка Анна Аркадьевна тянется целоваться, двоюродный брат Аркадий с женой Зинаидой Николаевной, перебивая друг друга, что-то радостно кричат из-за её плеча, а дети — Зоя различает их не сразу — кружат вокруг чемодана. И среди общего гама слышен всем счастливый приглушённо низкий голос Рахманинова:

— О, конечно, все разом на одного! Да, дайте же раздеться!..

Шуба, тяжелая, суконная, с меховым воротником и манжетами, пахнет морозом и дорогой. Отряхивая снег, он оглядывается и, увидев выстроившуюся в ряд обувь всех размеров, восклицает густым басом:

— А какие великолепные калоши! И как много!

На что довольный и счастливый двоюродный брат, Алек-

сандр Ильич Зилоти, такой же высокий, но статный и начинающий лысеть мужчина, улыбаясь, объясняет:

— А это потому что мы с Верой Павловной пришли.

Он обнимает друга и брата и, кивая на миловидную, невысокого роста женщину, окружённую пятью детьми мал-мала меньше, с гордостью восклицает:

— Вот, посмотри, сколько нас! Это старший! Саша, потом Лёля, за ней Оксана, Кириена и совсем пока маленький Левко. Ну как? Множится наш древний род!?

Пока счастливый отец с гордостью перечисляет имена ребят, Рахманинов, подхватывая игру, наклоняется и ласково здоровается с каждым маленьким родственником и, будто впервые видит, представляется:

— Рахманинов, странствующий музыкант.

Александр Ильич Зилоти терпеливо ждёт. Пианист-виртуоз с европейским именем, ученик Ф. Листа, он даже в походке подражал своему учителю, а не только в манере игры. Жутко гордился, что повышал мастерство у самого Листа. Вернулся на Родину, и сразу был приглашён вести класс фортепиано в Московскую консерваторию, где учился и пятнадцатилетний Сергей. Учитель всего на десять лет старше ученика. И это было великолепно! Они росли вместе: Александр Ильич, как педагог, а Рахманинов, как пианист.

Вспыхивают люстры. Пространство сияет, отражаясь в зеркалах, ликует. И несмотря на серый зимний день, всех охватывает ощущение лёгкости, праздничности, веселья.

Шумная толпа проходит в комнаты, и, как всегда, лукавая улыбка и озорной блеск в глазах Рахманинова, разряжаются подшучиванием:

— О! Сразу видно — здесь живут плутократы. Какая квартира! Смотрите, сколько больших комнат! Не то, что наша в Москве!

Наконец, общий шум стихает, гость идёт в приготовленный ему кабинет, хозяйка хлопочет с прислугой на кухне, дети заняты играми в своей детской. Звенит колокольчик, и все по-домашнему рассаживаются за столом.

А какой уютный обед! Вкусный, неспешный, весёлый.

Сергей Васильевич вошёл в столовую, в точно назначенный обеденный час, не опоздав ни на секунду, и безупречно одетый. Вошёл, окинул взглядом стол и с удовольствием пробасил:

— «Фу, ты, еды-то пропасть какая!» Угодил братец.

Пар поднимался от индейки, лимонный сок шипел на золотистой корочке. Рябчики пахли пармезаном и чем-то сладковатым, наверное, каштанами, Тут и фрикасе, и заливной судак, украшенный морковью и зеленью, и чёрная икра... и чего только не было!

Зоя, забыв про вилку, смотрела, как дядя Серёжа закрывает глаза над тарелкой с горячим бульоном-консоме, по золотистой зыби которого плавал зелёный укроп. Аромат щекочет ноздри, и Рахманинов раздувает их, вдыхая фимиам, будто принюхивающийся кот, а на лице — блаженная улыбка.

ка. А как аппетитно хрустят и быстро тают во рту миниатюрные слоёные пирожки с бульоном!

Зоя сидела рядом и неустанно следило, чтобы дяде Серёже доставалось всё самое вкусное. А он таял от удовольствия и обилия внимания родных, но на вопросы о жене Наташе и детях отвечал скупой, нехотя. Было видно, что даже вспоминать об этом страшном времени было тяжело.

В Италии, где он с семьёй хотел прожить всю прошлую зиму, дети заболели брюшным тифом. Местные доктора не смогли помочь, детям становилось всё хуже. Повезли лечить девочек в Германию, к доктору Зусману.

— «И наша Танечка была спасена! Нередко доктор приходил к нам по три раза в день! Я никогда не сумею достаточно отблагодарить его за всё, что он сделал», — сдержанно говорил Сергей Васильевич. — Девочки выздоравливали с большим трудом, и мы решила ехать домой, в Ивановку. Работать за границей я просто не мог, «потому что растерял всё своё мужество и не мог продолжать римскую идиллию».

Неторопливо рассказывал, какое трудное лето они пережили, когда привезли детей в поместье. Приехали — а девочки опять тяжело заболели.

Какая там музыка! Не пелось! Ничего не написал! Ни одной ноты почти год! Временами — хоть волком вой, свет белый не мил! Даже священника приглашали вновь освятить дом.

Наконец, его девочки поправились, только похудели силь-

но, повзрослели, но, слава Богу, теперь здоровы.

И все неожиданно увидели, что когда-то мелкие, незаметные морщинки около рта, на щеках стали глубокими, резкими, а вокруг больших и добрых глаз накинута сеткой сморщилась кожа. Сергей Васильевич осунулся, ещё больше ссутулился, но остался прежним бархатный ласковый голос.

— А как поживают наши дрожайшие Трубниковы? — встрепенувшись, интересуется Сергей Васильевич,

— Трубниковы? — тётушка махнула рукой, — Маня опять слегла.

— Как? — он отставил бокал. — Опять?

— Ты же знаешь, Серёжа, слаба она здоровьем с детства. А тут за зиму — второй раз, но Юля с Аней ей помогают. Дочери ведь!

Зилоти бросил многозначительный взгляд на тётушку, потянулся за очередным пирожком и поднял палец:

— И наша Мария Аркадьевна уже здорова. А вот Анечка... — он загадочно усмехнулся, — наша отважная Анечка теперь Анна Андреевна. Учительствует.

— В сущёвской школе, — с гордостью вставила Зоя, которая даже чуть-чуть завидовала этой самостоятельности и решительности. — И получает...

— Тридцать восемь пятьдесят, — перебил её Александр Ильич.

— Да, — вздохнула, тётя, Анна Аркадьевна, понимающе кивнув, — выросла девочка, стала настоящей помощницей

семьи.

— А я знаю, — неожиданно громко выкрикнула Зоя, — сейчас таких служивых называют людьми двадцатого числа...

И под строгим, укоризненным взглядом Большой Зои покраснела и, ёрзая на стуле от нечаянной смелости и внутреннего напряжения, уронила вилку. Сергей Васильевич тут же накрыл дрожащую руку племянницы ладонью и ласково пробасил:

— Правильно. Именно так я и называю теперь нашу отважную Анну Андреевну. Она написала, что все Трубниковы тоже приедут летом к нам в Ивановку. Наконец-то весело проведём лето.

Рахманинов утолил голод, расслабился в кругу родных и выглядел уже не таким уставшим.

— «А я, знаете ли, совсем буржуем стал», — весело, даже озорно заявил он, поглощая очередной пирожок. — Купил себе транспорт. Этакую чудесную, нарядную машину! Назвал её «Лорелея» или «Лора». Мы с Лукинкой, братом Наташи, поспорили, чья машина лучше: его «Форд» или моя «Лора»?

— А ты как думаешь, дядя Серёжа? — наклонившись вперёд, лукаво спросил племянник, Саша, высокий, нескладный подросток с длинными руками и узкими плечами.

— Конечно, «Лора»! Вот увидишь! Приедете летом к нам в Ивановку, я покажу вам, как моя «Лора» будет брать все

препятствия.

Анна Аркадьевна, сразу переполошилась и, как в детстве, тревожась за племянника, строго, назидательно констатировала:

— Серёжа, у тебя же плохое зрение!

— Ну, что Вы, тётушка! Не волнуйтесь, большие предметы я вижу очень хорошо и, к тому же у меня есть свой шофёр, — он подмигнул Аркадию и серьёзно продолжил, — сидит рядом, на всякий случай.

Все улыбнулись, а крупные черты лица Саши Зилоти издавала гримаса безнадёжности.

— А как же ваши любимые лошади, дядя Серёжа! — отчаянно звучит фальцет племянника, глаза которого полны нескрываемого огорчения, — мы же договаривались с вами этим летом объезжать Орлёнка!

Сергей Васильевич неторопливо поворачивается в сторону племянника и спокойно отвечает, глядя ласково на взволнованного нескладного подростка:

— Раз договаривались, значит, так и будет. Не волнуйся, все наши кони на месте. Научишься и ты объезжать лошадей. Просто их надо любить, вот и всё. А машина... Это совсем другое, это же цивилизация!

Рахманинов откинулся на спинку стула, мечтательно улыбнулся и, положив ложку, прикоснулся салфеткой к губам:

— На машине едешь, а вокруг ни души, «воздух дрожит

над необъятным морем ржи, и только жаворонки выются высоко в небе. Молчание. Зачем слова, «когда вокруг такая ширь, и, кажется сам воздух поёт». Нет, конь — это совсем другое. Вот, расскажу я вам такой случай.

За столом переглянулись. И радовались и удивлялись: до чего же сегодня дядя Серёжа разговорчивый! «Суровый и сдержанный с посторонними, дома он преображался, становился чутким, внимательным, ласковым» и говорливым.

А Рахманинов, действительно, таял от удовольствия. Расплываясь в улыбке, торопился поделиться всем самым лучшим, что видел и ощущал:

— Этим летом мы совершали долгую прогулку с Наташей, Анечкой Трубниковой и, — замолчал и, многозначительно посмотрев на тётушку, добавил, — и, конечно, шофёром Комаровым. Поехали из Ивановки в Знаменку. Путь неблизкий, выехали рано-рано. Солнце ещё не очень пекло. В Тамбовской губернии хороши только большаки, а просёлочные дороги ужасны. Пока ехали просёлком, машина так подскакивала, что нас бросало от борта к борту ежеминутно. Вдруг машину тряхнуло так, что шофёр испугался за меня и схватился за руль, а Аня чуть не вылетела за борт. Но я же на месте! Спокойно отвёл его руки и крикнул:

— «Всё в порядке, это Анна Андреевна виновата, прыгает так, что того и гляди выскочит из машины, а за неё отвечать придётся».

Слушатели заулыбались: опять рахманиновские шуточки

и подколы! Ох, и достаётся же сестрам от него! А Сергей Васильевич продолжал с серьёзным видом:

— Так вот, выехали мы на большак, «Лорелея» мчится с ветерком, а впереди небольшая плотина. Перед въездом — заброшенный сарай, его надо было обогнуть. Поворачиваю, не сбавляя скорости, и машина взревела. «Из конуры выскочила собака, свирепо залаяла и тут же, увидев невиданное ревущее чудище, испугалась и кубарем откатилась в бурьян. Не выдержала.

Все опять добродушно расплылись в улыбке.

— Да, напугали собаку! — вздохнув, посочувствовала тётушка псу, с осуждением глядя на рассказчика. — Новый век. Не успел начаться, а сколько изменений, сколько нового! И не поймёшь ведь, чего больше: бед, хлопот или прогресса.

— Ну, конечно, прогресса, матушка, прогресса! — уверенно подхватил хозяин дома, Аркадий Георгиевич, дородный, солидный мужчина, с залысиной и гладко выбритым лицом. — Давно ли паровоза пугались?! Ходили смотреть на железную дорогу, как на диковину, а сейчас уже решено построить такую через всю Сибирь!

— А два немца, Бранд с Мюллером. соединили велосипед с моторчиком. Скорость увеличили и создали мотоцикл! — беспечно подтвердил благотворное влияние прогресса юный племянник.

Сергей Васильевич кивнул в знак согласия. Конечно, он

читал про эту диковину. Все европейские газеты кричали о новом чудо-изобретении и засмеялся:

— А как остановить это сооружение не придумали! Сначала поехали, потом подумали! Пришлось скоростно падать!

Саша смутился, покраснел под общий смех, а Рахманинов продолжил:

— Так вот, едем, дорога — ужас! Плотина, как всегда, неисправна, «и автомобиль, посередине дороги провалился задним колесом в яму.

Вытаскивали все хором. Опять выехали на большак. Мчимся, только ветер свистит в ушах. Около дороги пасётся табун лошадей, молодняк. Машина ревёт, несётся, молодые лошади в ужасе. Разлетаются куда глаза глядят с развивающимися хвостами и гривами.

— Красота! — выдохнул Саша, всем телом подавшись к рассказчику и явно сожалея, что его там не было.

Сергей Васильевич тоже вздохнул и покачал головой.

— Несколько секунд мы все, как замороженные, любовались зрелищем. А потом я подумал: каково их будет собирать, ведь они теперь вёрст за десять, а то и за двадцать могут забежать. Да все в разные стороны... А это уже нехорошо... И всё-таки красиво.

ГЛАВА 3

Домашние обеды в дворянских семьях долгие, по три-четыре часа. Они объединяли членов семьи, позволяли органично чувствовать себя частью целого. Семья — тот же оркестр. Каждый, играя свою партию, должен уметь слышать другого. Тогда звучит мелодия любви, царит мир и покой.

Аркадий Георгиевич хоть и не был музыкантом, но, как умелый дирижер, сумел создать крепкую, дружную семью, где в любви и ласке росли три дочери. В хлебосольный дом тянулись многие члены рода Рахманиновых.

За обедом у Прибытковых уютно.

Вошла Аннушка с очередным блюдом пирожков, и Зоя Николаевна, указывая взглядом место на столе для блюда восклицает:

— Представляю, как ты пугаешь своих крестьян этой механикой. Машина — редкость в городе, а уж в деревне вообще диковина!

Аромат свежеиспечённого теста возбуждает аппетит, и вкусная гора уменьшается с катастрофической скоростью.

— Нет, Зоя Николаевна, ошибаетесь! — возражает гость, ловко разрезая тушёную грудинку, — И они, и лошади в Ивановке, и даже соседи уже привыкли к шуму автомобиля, я навещаю на нём «соседей по уезду и родных, живущих вёрст за двести-триста».

И увлечённо рассказывал чуть приглушённым, низким голосом о своих соседях, таких же мелкопоместных дворянах, как и он сам, успевая хвалить искусного повара и хозяйку, и про себя рассказать. Такой уж сегодня был удивительно счастливый день.

— Поездки — это лучший отдых для меня! А потом, знаете ли, это невероятно приятно и радостно ехать по «большим» степным дорогам. Ширь, простор, дух захватывает. Верхом на лошади это воспринимается совсем по-другому. А как меня встречают гостеприимные хозяева!

— Знаем, знаем! — засмеялся Аркадий, самодовольно поправляя салфетку на груди, плавно переходящую на живот, — нам уже рассказывали про твои новшества в сельском хозяйстве! То машины какие-то диковинные покупаешь, то быков из-за границы выписываешь. Образцовым помещиком становишься?!

— И коров тоже, — довольный, рассмеялся Сергей Васильевич, — ты, Аркаша, можешь смеяться сколько хочешь, но вот все эти новинки, я подсмотрел у своих же соседей. У каждого взял понемножку. Только вот приобрести иногда бывает сложнее, чем придумать. Захотел я однажды купить инвентарь для полевых работ, выписать из Германии машину, которая косит траву. Не получилось! Никто из чиновников не знал даже, что такая уже создана на Западе и работает на заготовке сена.

«И он рассказывал, как хозяйничает, какое у него хозяй-

ство, сколько чего сеется и собирается, кто остаётся зимой в усадьбе и смотрит за нею, какие типы крестьян в тамбовской губернии, кто живёт по соседству.

Почти всегда молчаливый, он говорил на этот раз почти один».

— Есть у меня в имении злейший враг. «Цыганка» — сорная трава. Ненавижу её до такой степени, что собственноручно выпалываю на большом пространстве. Она растёт во ржи и портит молодые побеги.

Александр Ильич Зилоти смаковал аппетитные пирожки, запивая бульоном, слушал брата и только улыбался. Уж он-то, как учитель композитора, знал: Серёжа — великий труженик. «Каждая минута его драгоценного времени до отказа наполнена работой: игрой, сочинением, мыслями. А машина, как и имение, — очередное увлечение, отдых от изнуряющей работы за роялем.

Зарабатывал Сергей Васильевич в основном, концертами, за осень и зиму сразу концертов двадцать- тридцать с поездками по главным городам России, потом небольшой отдых, и начиналась его любимая полоса — творческая. Ещё более напряжённая и изматывающая.

Уплетая отбивные, Зоя не забывала с обожанием поглядывать на дядю. Ей нравилось его очередное увлечение: теперь дядя точно будет отдыхать от музыки, расслабляться. Вообще-то, он не позволяет себе никогда бездельничать и любит, когда другие много и хорошо работают.

— А какой удачный был осенью посев озимых! — не торопясь, рассказывал Сергей Васильевич родным. Его «глубокие лучистые глаза» смотрели на брата Аркадия мягко, нежно. «...его движения... спокойны, неторопливы». Он дома, среди родных, поэтому с радостью делился своими наблюдениями. — Я с удовольствием наблюдал, как работали в поле крестьяне. Дружно, слажено. Да, у меня хороший староста, толковый. С ним везде порядок: и в поле, и в конюшне, и молочном хозяйстве.

Сергей Васильевич добродушно крикнул, и улыбка «крупного, выразительного рта» сделалась особенно мягкой и нежной». Он любил эти простые, домашние разговоры. Любил уют и теплоту семейного очага. Зачем философствовать, умничать рядом с близкими, родными людьми?! Они любят его таким, какой он есть. Это ли не счастье?!

Анна Аркадьевна, кокетливо поправляя причёску, добродушно рассмеялась:

— Серёжа, ты переживаешь очередную полосу увлечения!

Зочка тут же коснулась дядиной руки, будто защищая его от укола И по тому, как дядя сжал губы, сразу поняла: ему не понравилось высказывание тёти. Зоя тоже знала эту его всепоглощающую увлечённость, но вот определить, хорошая ли это черта характера или плохая, ещё не могла. Внимательно наблюдала, но если дядя недоволен, значит, об этом не надо ему говорить. Он сам всё решит.

Зоя ещё раз бросила беглый взгляд на дядю. Хотя... он же любит, когда его заботливо ругают родственники?! Может здесь что-то другое, чего не понимала Зоя? Заинтересовавшись, например, дирижированием, он «отрицал за собой всякий талант пианиста и композитора и бросал на целые годы играть. Когда Рахманинов со всей страстью отдавался игре на рояле, то относился отрицательно к своему дирижёрству и надолго бросал сочинять». Сейчас у него игральная полоса. Что он будет играть? Чьи произведения? Рахманинов никогда не рассказывал о своих планах или о том, что сочинял, или будет сочинять. Зоя знала одно: что бы ни играл дядя, это будет совершенством!

А гость лишь на секунду недовольно сжал полные губы, а потом улыбнулся. Жаль, что тётя его не понимала. Ивановка — не увлечение, это его жизнь, его мечта вернуть то, что было утрачено отцом в детстве. Точнее, другая жизнь. В имении он не только дворянин, помещик, он творец, композитор. Только там, на просторе и в тишине могут рождаться его произведения.

Затянувшаяся пауза в разговоре могла нарушить царившую идиллию, и Рахманинов, как всегда, быстро справился с охватившими его эмоциями, улыбнулся, пояснил:

— Ивановка, тётушка, — это... «Туда я всегда стремился или на отдых и полный покой, или, наоборот, на усидчивую работу... Положив руку на сердце, должен сказать, что и доныне туда стремлюсь».

Он улыбнулся, и все за столом облегчённо вздохнули. Анна Аркадьевна, с готовностью закивала, суетливо разминая белоснежную накрахмаленную салфетку. Замялась и, то ли утверждая, то ли спрашивая, произнесла извиняющимся тоном:

— Серёжа, говорят, приезжает Ферруччо Бузони и французский пианист Рауль Пюньо, а с чем пожаловал итальянец в Россию?

— Бузони исполняет произведения Ф. Листа, — торопливо сообщила Зоя и покраснела от взглядов, обращённых на неё, виноватым голосом добавила, — так в программе написано. А Рауль Пюньо — «Тарантеллу» Рахманинова, а дядя Серёжа исполняет свой знаменитый Второй концерт и, самое главное, будет премьера «Колоколов». Мы на все концерты уже билеты купили.

Зинаида Николаевна, ласково глядя на Рахманинова, с гордостью добавила:

— Да, в Большом зале Благородного собрания полный аншлаг на твою премьеру «Колоколов». Билеты уже давно распроданы.

По-хозяйски окинула взглядом стол, жестом приказала убрать грязную посуду, поставить чистые тарелки и обратилась к Зилоти:

— И, конечно же, все ждут не дождутся сравнить вашу игру с игрой иностранцев.

Александр Ильич поднял голову, отвлекаясь от очередно-

го блюда, молча, кивнул и посмотрел на Рахманинова:

— Серёжа, сегодня вечером концерт Метнера. Ты знаешь? Усмехнулся:

— Приедет один раз в год и хочет собрать полный зал.

Неожиданно резко положил одновременно нож с вилок в тарелку, и дребезжащий, недовольный звон заглушил последнее слово. Под удивлённые взгляды быстро переложил нож на салфетку, пожал плечами и пояснил:

— Петербургские критики его не любят. Сухой, говорят. Рахманинов улыбнулся и, подумав, ответил :

— А я бы сказал — строгий.

— Вот видишь, поэтому в столице и не приветствуют Метнеров, школа не наша, — заметил Зилоти, довольный тем, что его поняли, — Это плохо. Но зато он всегда привозит что-то новое из своих сочинений, интересное. Надо будет послушать.

Рахманинов согласно кивнул.

Николай Карлович Метнер. Далеко непросто складывались их отношения. Первой встречей оба остались недовольны.

Николай Карлович решил, что молодой человек, болтая о всякой чепухе, простой обыватель, неспособный философски мыслить.

А Рахманинов тогда веселился от души, шутил, но в конце-концов непробиваемое высокомерно-пренебрежительное отношение Метнера к собеседнику наскучило, и он решил

тоже не продолжать более общаться со столь занудным человеком.

То ли дело Федор Шаляпин. Что ни встреча — масса смешных анекдотов и озорных подколов! С ним не устанешь всю ночь и играть, и петь, и смеяться. С ним, будто вдыхаешь свежий воздух, и даже после бессонной ночи с весёлыми импровизациями и роскошным пением всемерно известного баса, можно снова окунуться в работу над очередным произведением.

Однако первое впечатление от знакомства с Метнером оказалось обманчивым. Теперь он думает совсем по-другому, и, конечно, пойдёт на концерт.

— Ты не представляешь, — улыбнувшись, спокойно сказал Рахманинов, — Николай Карлович в свои тридцать четыре года застенчивый, как юная девушка, с чуткой возвышенной душой, «человек беспредельно скромный, тихий, деликатный».

— Ого! Звучит, как объяснение в любви, — рассмеялся Зилоти, — ты ещё скажи. что он гений.

— Ну, гений не гений, но по-своему очень талантливый. Гениальность — что-то вроде вспышки. Нельзя быть гениальным всё время. А талантливость — это работа, это постоянный, изнуряющий труд, который может озариться гениальной вспышкой. Ты же это прекрасно знаешь, — спокойно парировал Рахманинов, — а трудолюбия Метнеру не занимать.

Неожиданно озорно посмотрел на Зою, потом на Зилоти и весело признался:

— Я только потом понял, откуда эта любовь к занудному философствованию. Он изрекает истины даже там, где это неуместно, потому что «никак не приспособлен к практической жизни, а потому самые простые вещи ему кажутся сложными». Неясное «тоже требует своего объяснения. Вот он и пускается в их философское обоснование».

— Нашли общий язык? — притворно участливо спросил, усмехнувшись, Александр Ильич, наклоняясь к брату, — великолепно! Ведь он член вашей, московской, музыкальной школы.

Рахманинову давно не нравилось это противостояние. Он его перерос. Школы разные, стили разные, но разве это плохо?! Пора уже объединиться в одну русскую музыкальную школу, и потому ответил неожиданно серьёзно:

— Знаешь, Метнер — «один из тех редких людей — как музыкант и человек, — которые выигрывают тем более, чем ближе к ним подходишь. Удел немногих!»

Он защищал чужого ему человека совершенно неожиданно для себя. Скорее всего это вышло случайно, инстинктивно: он всегда вставал на защиту слабых. Метнера часто обижали критики, нападали, и к тому же не заслужено. И Зилоти туда же, поэтому Сергей Васильевич, отложил вилку, пригубил бокал с вином, и медленно вертел хрустальный сосуд с тёмно-красной жидкостью.

— У него «свой взгляд на искусство фортепианной игры, своя школа пианизма и свой стиль». жёсткий и суровый. Но это совсем не значит, что это плохо. Он просто другой. И именно это прекрасно. Его концерты для фортепиано с оркестром оригинальны и легко узнаваемы, не похожи ни на чьи другие. А сказки для малышей! Разве он не близок к Римскому-Корсакову так же, как и к Чайковскому?!

Александр Ильич не перебивал друга, но слушал, снисходительно улыбаясь, а Рахманинов продолжал:

— Я уже почти подружился с Николаем Карловичем и его женой, Анной Михайловной. Милая пара, — рассказывал Сергей Васильевич, откинувшись на спинку стула. — А недавно мы с Наташей пригласили их «на обед, назначенный по-европейски на восемь часов вечера», и я угостил их на славу настоящим итальянским обедом. На столе красовался салат из омаров, «в соломенных футлярчиках стояли пузатенькие бутылки итальянского красного вина „Киянти“, и, наконец, торжественно было внесено огромное дымящееся блюдо макарон, приготовленных по-настоящему, как их подают в Италии».

— Значит, они остались голодными, раз блюдо было по-итальянски, да ещё тобою приготовленное? — рассмеялся Зилоти.

— Ничего подобного! — с азартом возразил Рахманинов, — это совсем не остро! Надо готовить на свином сале, а не оливковом масле, с густым помидорным соком и натёртым

сыром. Уплетали все, а Метнеры были просто в восторге и никто не жаловался, что остро. Я сиял от удовольствия.

Помолчал и несколько грустно добавил, опустив глаза, как бы извиняясь перед другом-композитором:

— Вот только «вумных разговоров» не было, поэтому Метнер, кажется, остался не совсем довольный. Прощаясь, он сказал, что «вечер прошёл очень мило и добавил тихо, но... бесплодно как-то».

Зилоти рассмеялся.

— Ну что ты хочешь?! Это ведь Метнер! Философ! А ты со своими макаронами! Наверное, он считает тебя обывателем, неспособным высказывать и выслушивать большие философские идеи!

Это было точное предположение. За обедом у Метнеров разговоры всегда особенные «то есть такие, чтобы стоило на них тратить драгоценное время: начинались с конкретного повода в искусстве или науке, а потом углублялись во всякие философские рассуждения и осмысливания».

Сергей Васильевич Рахманинов не любил философских разговоров вообще и никогда в них не вступал, но оценил их значительно позже. То, что за столом у Метнеров звучало гётеанской мудростью и делалось ключом ко всему длинному творческому дню, — за столом у Рахманинова, как и у его любимого Чехова, называли насмешливым словцом «вумные разговоры». Точное, едкое, колючее слово.

Конечно, так откровенно высказанные догадки брата

неприятно озадачили Рахманинова. Он серьёзно посмотрел на друга и кивнул.

— Скорее всего он так и подумал. Что поделаешь, он, как все гениальные люди, не от мира сего. Когда не понимает самых простых вещей, пытается по-философски обосновать своё неумение. Но музыка у него настоящая.

Рахманинов вздохнул.

— Но идейной близости пока никак не получается, даже без «мефистофельского» присутствия его старшего брата, Эмилия Карловича.

— Да, уж, это ещё тот ядовитый критик, — оживилась Анна Аркадьевна, услышав знакомое имя.

— И заметьте, — смакуя очередной слоёный пирожок, усмехнулся Рахманинов, — всегда конкретно и в точку, но зло.

— Возможно, таким и должен быть редактор журнала «Труды и дни», — в раздумье ответил Зилоти, размышляя над сказанным замечанием.

Несмотря на то, что брат композитора сам был критиком, Николаю Карловичу, в то время знаменитому московскому композитору, изрядно доставалось и от него и от других критиков. В статьях устойчиво писали об отсутствии в его музыке эмоционального начала, душевности, о сухости, «книжности», научности произведений. Особенно доставалось композитору от Петербургских критиков, которые сильно влияли на мнение столичного общества. Хотя после смерти Бе-

ляева сближение двух школ пошло гораздо быстрее, и Зилоти, и Рахманинов, конечно, были рады этому процессу, но хорошо понимали, пока слишком много разногласий.

— Миля по-своему пытается защитить младшего брата, — предположил Сергей Васильевич.

— Или, наоборот, — тут же возразил Зилоти, — напомнить ему о своих немецких корнях. Подписывается псевдонимом Вольфинг, и в статьях изо всех сил старается доказать, что творчество его брата гораздо ближе к Бетховену и Брамсу, чем к Мусоргскому и Бородину.

Рахманинов усмехнулся.

— Старается Миля! И письменно, и устно, изо всех сил надрывается сделать из брата последователя немецкой школы, а Николай Карлович, насколько мне известно, «считает себя русским композитором, страдает от таких утверждений, называет их неверными и несправедливыми». Но надо отдать должное: Николай Карлович Метнер, действительно, — большой знаток немецкой музыки, и превосходный знаток Бетховена.

— А я недавно прочла книгу Эмилия Карловича «Музыка», — вступила в разговор Анна Аркадьевна, поглаживая узкой рукой белоснежную, накрахмаленную скатерть, — она же ужасна! Автор третирует русскую музыку сверху вниз, а в немецкой классической музыке превозносит не её общечеловечность, а какие-то «арийские» качества, унижающие культуру и народы Азии.

— Читал я, — усмехнулся Рахманинов, — Эмиль написал странную книгу, там есть опасные мысли.

Мило, как старшего, в семье боготворили, им восхищались. Ему многое позволялось. Вот эта семейная вседозволенность вылилась «в расистскую книгу с заложенными в ней теми самыми зёрнами, какие пышно расцвели впоследствии у теоретиков фашизма...».

Конечно, мнение знаменитого композитора Рахманинова было очень важно для молодого философа, но ответа не последовало.

— Эмиль Карлович лично прислал мне своё творение. Умный человек, — сказал Рахманинов и отодвинул тарелку, — но об этом я предпочёл бы узнать из его биографии, а не из книги о «Музыке». Поблагодарил и отложил.

Зилоти хмыкнул.

— Подальше?

— Подальше, — серьёзно кивнул Сергей Васильевич.

Зоя вопросительно смотрела то на одного, то на другого дядю, не совсем понимая, о чём они говорят.

Тогда Сергей Васильевич повернулся к Зое и весело сказал:

— Знаешь, в этой книге «из-под каждой почти строчки мерещится мне бритое лицо Метнера, который как будто говорит: «всё это пустяки, что тут про музыку сказано, и не в том тут дело. Главное, на меня посмотрите и подивитесь, какой я «умный»!»

Все рассмеялись.

— Ну, вот, нашли о ком говорить так долго за столом! — воскликнула Вера Павловна, — мало вам критики в печати?! Что московская школа, что петербургская — все русские. Музыка для всех, она сближает, а критика — вред один. И Римский-Корсаков, и Чайковский — истинно русские композиторы, хотя и возглавляли разные школы.

— Какие мудрые слова, Вера Павловна! — серьёзно пробасил Рахманинов, с удовольствием рассматривая её розовые пухлые щёчки, волнистые, красиво уложенные волосы, — истину вещаете!

ГЛАВА 4

Для Зои младшей эти разговоры за столом — бальзам на душу. Она забыла про еду, она — вся внимание. Столько надо узнать, столько спросить, столько сомнений и неясностей!

— Я перед твоим приездом — неторопливо и рассудительно, совсем по-взрослому, заговорила Зоя, не обращая внимание на подковырки дяди, — перебирала книги у папы в кабинете и натолкнулась на статьи Ю.Д.Энгеля, музыкального критика.

Зоя, почувствовав на себе внимательные взгляды родственников, приосанилась, положила на тарелку нож с вилкой, потом опять взяла столовые приборы в руки, проглотила слюну и громко и уверенно продолжила:

— Он постоянно сравнивает двух композиторов, Чайковского и Римского-Корсакова. Говорит, что они «представители двух типов художественного творчества — «субъективного» и «объективного», что мы никогда не соединимся, потому что слишком разные.

Рахманинов улыбнулся, порадовавшись столь глубокому изучению вопроса.

— Конечно, Зочка, разные. Но оба любили Россию, только чувства свои выражали в музыке по-своему, да и люди были разные.

Он на секунду задумался, по лицу пробежала трепетная

тень, и улыбчивый лёгкий взгляд остановился на юном создании. Он давно уже считал себя немолодым человеком, а сейчас, рядом с такой задорной и трепетной девушкой, он ясно сознавал, какой долгий путь прошёл. Ему было примерно столько же лет, когда он впервые увидел великого композитора.

— С Петром Ильичом, — с душевным волнением рассказывал он — я познакомился, когда учился в Московской консерватории. Он был для нас, молодых музыкантов, непререкаемый авторитет. Строгий, стройный, всегда опрятно, с иголочки одетый, но не щёголь. Невероятная трудоспособность и умение сосредоточиться! Попросили написать балет для детей — сел и создал шедевр, «Щелкунчика». В дом к профессору Звереву, нашему учителю, приходил за просто. Сядет на стульчике и беседует с Анной Сергеевной, его сестрой. Был невероятно скромн и застенчив.

Однажды приехал днём такой встревоженный, озабоченный — и в кухню.

— Анна Сергеевна, я, наверное, сегодня страшный грех совершил!

Она все дела бросила, и — к нему. А Чайковский просто в панике. В бесконечно добрых, мягких, ласковых глазах смятение, тревога. Небольшой рот с пухлыми губами полукрывает. Даже пуговицы на пиджаке, всегда наглухо застёгнутые, свободно болтались. В общем, вид чрезвычайно расстроенного человека.

Ну, наша старушка его усадила, а он вместо приветствия рассказывает, что, проходя мимо часовни Иверской иконы, в мороз снял только шапку и перекрестился в перчатках. Вдруг какая-то женщина, как налетит на него злой фурией, как закричит, и ну обзывать нехристом.

— «Так громко кричала, что страшно стало, и я убежал», — признался расстроенный композитор, — вот приехал к вам. Скажите, пожалуйста, голубушка, можно ли креститься перед иконой в перчатках?

Все улыбнулись. Очень точный портрет. Пётр Ильич такой! Застенчивый, рассеянный и очень добрый.

— А я помню, как играл его Первый концерт, — отозвался Зилоти — а сам Чайковский аккомпанировал мне на другом, белом рояле. Проиграл я несколько страниц на чёрном рояле и чувствую: не могу больше, не тот звук. Остановился и, обращаясь к Петру Ильичу, сказал:

— «Не могу играть на этом чёрном инструменте, я больше привык к другому, к белому, — пересядем?».

Чайковский кивнул в знак согласия. Я сказал, взял свой стул и перешёл к белому роялю. Петр Ильич, удивительно вежливый и воспитанный человек, спокойно снял ноты с пюпитра и, ни слова не говоря, «перешёл к моему инструменту, поставил на пюпитр ноты и... сел в пространство.

Слушатели замерли, подавшись вперёд. Как! Чайковский упал!? Александр Ильич весело хохотнул, откинулся на спинку кресла, довольный реакцией, и успокоил аудиторию:

— Всё хорошо! Не волнуйтесь. Большую катастрофу удалось предотвратить. Стоявшие близко друзья успели его подхватить и посадить на стул.

Рахманинов грустно улыбнулся.

— Да, рассеянный был человек, что и говорить, но скромности, деликатности, вежливости необыкновенной. На мой взгляд, это самые замечательные черты его характера. «С каким трогательным вниманием относился к моим первым композиторским шагам, как искренне радовался моим успехам»!

Зилоти понимающе усмехнулся:

— Это ты о своей первой постановке «Алеко» говоришь?

—

— О ней. До сих пор без волнения не могу об этом вспоминать. Стремясь продвинуть мою юношескую оперу, Петр Ильич подошёл ко мне и сказал: «Я только что закончил оперу «Иоланта»; в ней всего два акта, которых не хватит, чтобы заполнить вечер. Вы не возражаете, если моя опера будет исполнена в один вечер с вашей?» Представляете! Нет, вы только представьте, так и сказал: «Вы не возражаете». Ему пятьдесят три года, прославленный во всей России композитор, и я, двадцатилетний юнец, безызвестный музыкант! Поразительная тактичность!

Анна Аркадьевна, внимательно слушала разговор, задумчиво разглаживая пальцами салфетку, потом попросила принести ещё к столу пирожков, тяжело вздохнула, вероятно

вспомнив молодые годы, и подтвердила:

— Да, общаться с ним, беседовать было одно удовольствие. Любезным, воспитанным и разговорчивым был Пётр Ильич. Бывало, сядем в карты играть, а он по рассеянности обязательно плохой ход сделает, и так огорчается, так огорчается... Но образован, умён, «свободно чувствовал себя в любом обществе, пленяя всех собой».

Эти милые подробности жизни друга и учителя всколыхнули в Рахманинове самые нежные чувства к учителю. Ему очень не хватало этого деликатного, умного человека. Одна за другой проносились картины их последних встреч. Разве можно было молчать?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.